

КОНЦЕПТ «БОРОДА» В РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПАРЕМИЯХ

В.А. Савченко

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 30 апреля 2008 г.

Аннотация: Цель настоящей статьи — выявление и описание этнического своеобразия вербализации концепта «борода» в русских и немецких паремиях, а также выявление жанровых особенностей вербализации рассматриваемого концепта в русской и немецкой фольклорных картинах мира. Соматизмы в данной статье исследуются в рамках курской школы лингвофольклористики посредством лексикографических приемов. В результате проведенного лингвокультурологического анализа были выявлены общие и отличительные признаки концепта «борода» в русской и немецкой паремиологических картинах мира. Анализ также обнаружил как общие черты, так и жанровые отличия в использовании рассматриваемых соматизмов в русле одной народно-поэтической традиции.

Ключевые слова: лингвокультурология, кросскультурная лингвофольклористика, сопоставительная лингвофольклористика, концепт, соматизм, паремия, поговорка, русский язык, немецкий язык.

Abstract: The paper is aimed at revealing and describing an ethnic peculiarity in the verbalization of the concept «beard» in Russian and German proverbs. Another aim is to examine genre specification of the above mentioned concept in Russian and German folklore world pictures. Somatisms in the paper are studied by means of lexicographic methods that have been worked out in the Kursk linguafolkloristics school. The linguaculturology investigation has revealed common and different features of the concept «beard» in Russian and German paroemiological world pictures. It has also helped to understand genre differences in using somatisms under study within one national poetic tradition.

Key words: linguaculturology, cross-cultural linguafolkloristics, comparative linguafolkloristics, concept, somatism, paroemia, proverb, Russian language, German language

В настоящее время в естественных и гуманитарных науках наблюдается большой интерес к феномену человека. В частности, в рамках филологических наук повышенное внимание уделяется проблеме человеческой телесности [7; 20; 21]. Предметом интенсивных исследований в отечественном языкознании в последние годы стали соматизмы в составе ФЕ в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах [8; 24]. Курскими учёными в рамках лингвофольклористики, новой лингвокультурологической дисциплины, ориентированной на изучение народно-поэтического слова [22, 120], посредством лексикографических приёмов соматизмы исследовались в русских и английских народных песнях [17], в текстах русских заговоров [13] и других фольклорных текстах [4; 14]. Опыт лексикографического описания соматической лексики былин представлен в «Словаре русского фольклора: лексика былинных текстов» М.А. Бобуновой и А.Т. Хроленко [5]. Диссертационное исследование К.Г. Завалиши-

ной «Концептосфера «человек телесный» в языке русского, немецкого и английского песенного фольклора» посвящено сопоставительному анализу соматической лексики в русской, немецкой и английской народной песне [12]. В кандидатской диссертации М.В. Петрухиной «Кластер «человек телесный» в лексиконе русской волшебной сказки» анализу подверглась соматическая лексика в волшебной сказке [18]. Соматизмы исследуются как в рамках сопоставительной лингвофольклористики, изучающей разновидность текстов внутри жанра или сами жанры одной народно-поэтической культуры [13; 18], так и в рамках кросскультурной лингвофольклористики, предполагающей сравнение фольклорно-языковых явлений двух и более этносов [12; 17]. В русской и немецкой паремиологии соматическая лексика ещё не изучалась, поэтому объектом нашего исследования мы избираем русские и немецкие паремии, а предметом — представленную соматической лексикой концептосферу «человек телесный», одним из элементов которой является концепт «борода».

Цель настоящей статьи — выявление и описание этнического своеобразия вербализации концепта «борода» в русских и немецких поговорах, а также выявление особенностей вербализации рассматриваемого концепта в русских поговорах на фоне былин, русской народной песни, волшебной сказки, фразеологии и в немецких поговорах на фоне немецкой народной лирики и фразеологии.

Материалом для исследования послужила картотека немецких и русских поговоров с соматизмом *борода*, полученная в результате сплошной выборки из следующих лексикографических источников поговоров.

1. Даль В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа [9].

2. Simrock K. Die deutschen Sprichwörter [29].

Для решения поставленной задачи использовалась методика создания концептограммы, разработанная М.А. Бобуновой и А.Т. Хроленко на материале фольклорных текстов [5, 5—11; 6, 142—149].

Борода в древности считалась символом мужества, силы, мудрости, волшебства, плодородия [16, 52—53]. У древних греков и римлян борода служила знаком мужественности. Вырывание или бритьё бороды, что играло особую роль прежде всего в актах мести, расценивалось как глубокое унижение. У древних германцев были распространены длинные волосы на лице, в первую очередь среди лангобардов, которые благодаря тому, что носили очень длинные бороды, и получили своё название (Langobardi, т. е. Langbärte — длинные бороды). Лангобарды были создателями первого письменно зафиксированного древнегерманского свода законов (VII в.), в котором несвободным людям (рабам и крепостным) запрещалось отращивать волосы на голове и лице. Возможно, к этим древнегерманским законам восходит суровое наказание, которое осуществлялось в средневековье за бритьё бороды без особого разрешения, что послужило причиной возникновения выражения *jem. barbieren* ‘сбрить кому-либо бороду, т. е. обмануть, унижить кого-либо’ [28, 147—148].

В Древней Руси борода была не только признаком зрелого возраста, но и символом опытности, способности участвовать в решении государственных и семейных дел. Русские клялись бородой как святыней и хранили её как символ чести, мужского достоинства и сановитости [3, 63]. Лишиться бороды считалось у русских большим бесчестьем [1, 121].

Как и на Руси, в Древней Германии прикосновение к чьей-либо бороде расценивалось как тяжкое оскорбление. У древних германцев, а также в период средневековья в Германии, как и в Древней Руси, было принято клясться своей бородой, т. е. своей честью [23, 65; 28, 153].

Концепт «борода» в русских поговорах отмечен более высокой частотностью упоминания, чем в немецких. В нашей картотеке содержится 69 русских и 24 немецких поговоров с концептом «борода».

В анализируемых русских поговорах лексема *борода* зафиксирована в 68 словоупотреблениях. Диминутивный вариант *бородка* отмечен один раз. Имена прилагательные *бородатый* и *бородастый* ‘с большой бородой’ [19, 108] употреблены по одному разу.

В немецких поговорах соматизм *der Bart* ‘борода’ фиксируется в 21 словоупотреблении. Лексема *der Rotbart* ‘рыжебородый’ отмечена три раза, существительное *das Bartputzen* ‘бритьё бороды’ [26, 2283] встретилось один раз.

В исследуемых русских и немецких поговорах борода характеризуется с точки зрения цвета. При этом в русском материале борода единично определяется как рыжая: *Один от Золотой Орды, другой от рыжей бороды* [9, 56]. В немецких поговорах соматизм *der Bart* ‘борода’ трижды сочетается с прилагательным *rot* ‘рыжий’. Кроме того, в немецких поговорах функционирует сложное существительное *der Rotbart* ‘рыжая борода, рыжебородый’ (3). Рыжебородым людям в немецкой поговориологии приписываются отрицательные внутренние свойства: *Schwarzer Kopf, roter Bart, böse Art* [29] ‘Чёрные волосы, рыжая борода — дурной нрав; Рыжий да красный — человек опасный’, *Rotbart, Schelmenart* [29] ‘Рыжая борода — плутовской характер’, *Roter Bart, untreue Art* [29] ‘Рыжая борода — неверный характер’, *Hüt dich vor dem Rotbart, Rotbart nie gut ward* [29] ‘Опасайся рыжебородого, рыжебородый никогда не был добр’. В данных немецких поговорах, кроме первой, лексемы *der Bart* ‘борода’ и *der Rotbart* ‘рыжая борода’ метонимически используются для обозначения человека.

В русской поговориологии акцент делается также на седом цвете бороды: *седина в бороде* (2). Посредством данного выражения описывается старый человек, например: *Седина в бороде, а бес в ребро* [9, 144] ‘о старике, ухаживающем за женщинами’.

Специфической особенностью русских паремий с рассматриваемым концептом является характеристика формы бороды: <быть> *клочком* (1), <быть> *помелом* (1), <быть> *клином* (1), <быть> *пошире* (1), <быть> *широка* (1).

Борода в русской паремиологии может характеризоваться по качеству: <быть> *редка* (1), <быть> *не пуста* (1).

В русском паремиологическом репертуаре присутствуют параметрические характеристики бороды по размеру и длине. В рассматриваемых русских паремиях отмечаются большие размеры бороды: <быть> *с локоток* (2), <быть> *с локоть* (1), <быть> *с ворота* (1), <быть> *с воз* (2), <быть> *с аршин* (1), <быть> *с помело* (1), <быть> *с посконное повесмо* (1). Причём в некоторых русских пословицах большая величина бороды противопоставляется малому уму её владельца: *Борода с воз, а ума с накопильник нету* [9, 293], *Борода с локоток, а ума с ноготок* [9, 358]. В анализируемых русских паремиях отмечается несоответствие в отдельных случаях маленького роста и больших размеров бороды: *Мужичок с ноготок, а борода с локоток* [9, 261], *Сам с пядь, а борода с локоть* [9, 261], *Сам с нос, а борода с воз* [9, 261]. В русской паремиологии отмечается также большая длина бороды: <быть> *по колена* (1).

В двух русских пословицах фиксируется несоответствие в некоторых случаях длины, больших размеров бороды и материального положения её владельца: *Борода по колена, а дров ни полена* [9, 73], *Борода с помело, а брюхо голо* [9, 73].

По бороде можно судить о сущности её обладателя: *По бороде давно бы ему быть в воде* [9, 191], *По бороде быть тебе в воде, да усы не пускают* [9, 191]. Причём в русских паремиях отмечается несоответствие в некоторых случаях внешнего облика и внутренних качеств человека: *По бороде — Авраам, а по делам — Хам* [9, 191], *Борода апостольская, а усок дьявольский* [9, 39] ‘о раскольниках и ханжах’ [10, 51].

И в русской, и в немецкой паремиологии борода является предметом внешнего воздействия: *расправить* (1), *сгрести в горсть* (1), *гладить* (1), *течь по бороде [масло]* (1). При этом в русских и немецких паремиях присутствует указание на уход за внешностью: *брить бороду* (2), *scheren* ‘стричь’ (1), *waschen* ‘мыть’ (1), *das Bartputzen* ‘бритьё бороды’ (1): *Лучше раз в году родить, чем день-деньской бороду брить* [9, 291], *Нет бороды, так и нечего стричь (скоблить)* [9, 402], *Wer den Kopf hat,*

schiert den Bart [29] ‘У кого есть борода, тот бреет бороду’, *Wasch mir den Bart, so wasch ich dir die Hand* [29] ‘Если ты помоешь мне бороду, то я вымою тебе руку’, *An armer Leute Bart lernt der Junge scheren* [290] ‘Бедные люди являются подопытными кроликами (досл. На бороде бедных людей подмастерье учится стричь)’.

И в русской, и в немецкой паремиологии борода предстаёт объектом, по отношению к которому совершаются негативные физические действия: *драть* (3), *наплевать в бороду* (1), *оплевать* (1), *влепить в бороду репей* (1), *(не) хватать за бороду* (1), *an den Bart greifen* ‘схватить за бороду’ (1), *im Bart grasen* ‘драть бороду’ (1) *in den [eigenen] Bart speien* ‘наплевать в [собственную] бороду’ (1). Как было сказано выше, в Древней Германии прикоснуться к чьей-либо бороде считалось тяжким оскорблением, что отразилось во ФЕ *einem an den Bart greifen* ‘ругать, оскорблять, начать ссору с кем-либо (досл. схватить кого-либо за бороду)’ [28, 152].

В паремиологии обоих исследуемых языков борода выступает символом мужской зрелости, мужественности: *Ни уса, ни бороды, ни сохи, ни бороны* [9, 70] (*ни уса, ни бороды* ‘молод’ [11, 517]), *Кормил до уса, корми и до бороды* (т. е. потерпи, не гони мало со двора, дай возмужать) [9, 411], *Der Bart ziert den Mann* [29] ‘Борода украшает мужчину’, *Der Bart wackert den Mann* [29] ‘Борода украшает мужчину’, *Ein Kuß ohne Bart ist wie eine Suppe ohne Salz (eine Vesper ohne Magnifikat)* [29] ‘Поцелуй без бороды, что суп без соли (вечерня без величания богородицы), т. е. ‘Мужчина не должен быть слишком молод’ [25, 62].

В русской паремиологии борода является почётным атрибутом внешности мужчины: *Борода в честь, а усы и у кошки есть* [9, 261]. Борода выступает также признаком старого человека: *Ус молодит, борода старит* [9, 261], *Старичок с кувшин, борода с аршин* [9, 261].

И в русской, и в немецкой паремиологии борода выступает как символ мудрости: *Седина в бороду — ум в голову* [7, 292], *Wo kein Bart, da ist auch kein Verstand* [29] ‘У кого нет бороды, у того нет ума’.

Вместе с тем, в русской паремиологии утверждается, что возраст и борода не являются показателем ума: *Мудрость в голове, а не в бороде* [9, 261], *Ум не в бороде, а в голове* [9, 360], *Борода выросла, а ума не вынесла* [9, 358]. Ум проявляется в ранней молодости: *Ум бороды не ждёт* [9, 296].

В ряде анализируемых русских пословиц получило отражение знаменитое принудительное бритьё бороды в период правления Петра I: **Борода лишняя тягота** (Пётр I) [9, 261]. Обязательное бритьё бороды в первую очередь касалось дворян и купцов. Только крестьянам и священникам разрешалось носить бороды. За особую плату городские жители получали знак на ношение бороды: **Без рубля борода не отрастишь** (со врем. Петра I) [9, 261]. Борода являлась характерной особенностью внешности русского крестьянина, что отразилось в паремии *Бог судит виноватого, кто обидит бородатого* [9, 125], т. е. мужичка, крестьянина [10, 116].

Указ Петра I о бритье бороды вызвал недовольство и протест в обществе. В частности, бритью бороды упорно сопротивлялись раскольники: *Режь наши головы, не тронь наши борода* (раск.) [9, 36]. Для них борода являлась символом веры, а ношение бороды — частью следования за Христом. В сборнике В.И. Даля зафиксированы пословицы раскольников, мотивирующие отказ от бритья бороды, в которых отразились представления о сакральности бороды: **Борода дороже головы** (раск.) [9, 261], *Образ божий в бороде, а подобие в усах* (раск.) [9, 36], **Без борода и в рай не пустят** (раск.) [9, 36], *Брить борода — портить образ Христов* (раск.) [9, 36], **Борода — образ и подобие божие** (раск.) [9, 261].

Волосы в архаическом сознании русских связаны с растительностью, например в загадках о волосах: «Густа чаща, негде вички сломить»; в поговорках: «Волосы — трава, скосить можно». В магической практике русских волосы находятся в одном символическом ряду с травой, например от болезней окуривают различными травами и сожжёнными волосами больного [15, 49]. Растительное сырьё для прядения (лён и конопля — чаще в виде кудели) и животное (шерсть) широко использовались в обрядовой сфере. Например, новорожденному перевязывали пуповину льном, женскими растениями конопли или волосами отца и матери. Аналогия волос льну, конопле, кудели принадлежит к числу наиболее устойчивых. Волосы, лён, кудель выступают как воплощение идей жизни, судьбы. Лён, конопля, кудель осознавались «природными» вариантами волос («волосы земли») [2, 218]. Волосы и растительность в обрядности взаимозаменяемы. В свадебном ритуале выкупа косы невесты косу изготавливали из льна, конопли, соломы [1, 132]. В нашей картотеке зафиксирована паремия, в которой запечатлена связь волос и растительности: **Борода — трава, скосить можно** [9, 38].

В немецком паремиологическом материале отмечена ФЕ *laß dir darum keinen Bart wachsen* разг. 'не ломай себе голову, все обойдётся (досл. не отращивай себе из-за этого бороду)', в которой отразился древний обычай не стричь бороду в знак траура, печали [28, 153]. В немецкой паремиологии борода также метафорически обозначает нечто давнее, существующее в течение долгого времени: *Der Bart war früher als der Mann* [29, 730] 'Борода была раньше человека'.

Только в русских паремиях отмечены ассоциативные связи соматизма *борода* с другими лексемами: *борода ... усы* (12), *борода ... голова* (8), *борода ... ум* (9), *борода ... локоть* (3).

Для выявления своеобразия функционирования соматизма *борода* в русской паремиологии относительно других жанров русского фольклора обратимся к былинам, русской песне, волшебной сказке и фразеологии. По данным исследователя М.В. Петрухиной, в текстах волшебных сказок лексема *борода* высокочастотна [18, 103], так же как и в русской паремиологии. В отличие от русских паремий и волшебной сказки, в былинном эпосе и в песенном фольклоре русских *борода* к числу частотных лексем не относится [5, 24; 12, 98]. Так же, как и в русской паремиологии, в других жанрах русского народного устного творчества присутствует указание на седой цвет бороды. Согласно результатам исследования М.А. Бобуновой и А. Т. Хроленко, в онежских былинах лексема *борода* сочетается с прилагательными *белая* и *седая* [5, 24]. В песенном жанре *борода* определяется как *седая* [12, 98]. В русской волшебной сказке отмечается серебряный и сизый цвет бороды [18, 103]. Только в русской паремиологии и волшебной сказке лексема *борода* также характеризуется по длине, является объектом физического воздействия [18, 104]. В русских песенных текстах существительное *борода* как имя объекта действия актуализируется в ситуациях намеренного оскорбления незадачливого мужчины, мужского самоуничтожения. Как и в русской паремиологии, в русской народной лирической песне отмечается связь понятий «борода» и «ум» [12, 99—100]. В русской паремиологии и русской былине соматизм *борода* используется в связке с существительным *голова*, а также с существительным *волос* [5, 24]. Так же как и в русской паремиологии, в русской фразеологии, борода связывается с преклонным возрастом [30, 58]. В русской фразеологии борода соотносится, кроме того, с такими понятиями, как «нечто старое», «отжившее», с клятвой [30, 58]. В русской фразе-

ологии соматизм *борода* встречается в составе ФЕ со значением 'скрывание' (*смеяться, посмеиваться в бороду* 'незаметно, стараясь скрыть смех'), а также во ФЕ со значением 'возраст'. При этом *борода* осмысливается как абсолютный возраст (*с бородой* 'старый, дано известный') [8, 70].

Сравним наши наблюдения над немецкой паремиологией с наблюдениями над немецкой народной лирикой и фразеологией. Согласно данным К.Г. Завалишиной, в немецких народных лирических песнях лексемы, вербализующие концепт «борода», к числу частотных не относятся [12, 98]. В отличие от немецкой народной песни, в немецкой паремиологии лексема *der Bart* 'борода' встречается достаточно часто. Как и в немецкой паремиологии, в немецкой лирике борода предстаёт как символ зрелости, опыта, мужественности [12, 101]. В немецкой фразеологии борода связывается, кроме того, с такими понятиями, как «преклонный возраст», «нечто отжившее», «гнев», «лесть», «клятва» [30, 58].

С концептом «борода» тесно связан концепт «усы». Концепт «усы» является специфическим для русской паремиологии и других жанров русского фольклора. В немецких паремиях рассматриваемый концепт не выявлен. Примечательно, что данный концепт не зафиксирован в немецкой фразеологии, а также в немецких песенных текстах [12, 98].

Таким образом, сопоставительный анализ показал, что концепт «борода» в исследуемых русских паремиях отличается большей частотностью, чем в немецких. В результате проведённого лингвокультурологического анализа были выявлены общие признаки концепта «борода» в русской и немецкой паремиологических картинах мира. Например, и в русской, и в немецкой паремиологии борода выступает символом мужской зрелости, мужественности, мудрости. В то же время очевидными являются определённые различия в структуре данного концепта в русской и немецкой паремиологии. Только в русских паремиях присутствуют параметрические характеристики бороды по размеру и длине. В русской паремиологии отмечены устойчивые ассоциативные связи концепта «борода» с концептами «усы», «голова», «локоть». В немецкой паремиологии соматизм *der Bart* 'борода' может метонимически использоваться для обозначения человека.

Сопоставительный анализ функционирования соматизма *борода* в русской паремиологии, былине, волшебной сказке, лирической песне и фразе-

ологии, а также соматизма *der Bart* 'борода' в немецкой паремиологии, лирической песне и фразеологии свидетельствует как об общих чертах, так и о жанровых отличиях в использовании рассматриваемых соматизмов в русле одной народно-поэтической традиции. Специфической особенностью русской паремиологии и других жанров русского фольклора является наличие концепта «усы». Для немецкой паремиологии, фразеологии и народной песни данный концепт является лакунарным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемьева О.Н.* Человеческое тело в традиционных представлениях русских среднего Прииртышья конца XIX-первой половины XX в. : дис. ... канд. ист. наук / О.Н. Артемьева ; Омский гос. ун-т. — Омск, 2005. — 298 с.
2. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре / А.К. Байбурин. — СПб. : Наука, 1993. — 237 с.
3. *Бирих Ф.К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Ф.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. — М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. — 926 с.
4. *Бобунова М.А.* Сердце в русском эпосе / М.А. Бобунова // Лингвофольклористика. — Вып. I. — Курск, 1999. — С. 27—29.
5. *Бобунова М.А.* Словарь языка русского фольклора: лексика былинных текстов / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. — Курск : ГУИПП «Курск», 2000. — Вып. 1. — 112 с.
6. *Бобунова М.А.* Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы / М.А. Бобунова. — Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. — 240 с.
7. *Булыгина Т.В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 574 с.
8. *Го Синь-и* Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22, 10.02.01 / Го Синь-и ; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки при МГУ. — М., 2004. — 187 с.
9. *Даль В.И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа : в 2 т. Т. 1 / В.И. Даль. — СПб. : Литера, ВИАИ, 1997. — 416 с.
10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1 / В.И. Даль. — М. : Рус. яз., 1978. — 699 с.
11. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 / В.И. Даль. — М. : Рус. яз., 1980. — 683 с.
12. *Завалишина К.Г.* Концептосфера «человек телесный» в языке русского, немецкого и английского песенного фольклора : дис. ... канд. филол. наук / К.Г. Завалишина ; Курск. гос. ун-т. — Курск, 2005. — 243 с.
13. *Карамышева О.А.* Соматизмы в текстах заговоров (на фоне фольклорной традиции) / О.А. Карамышева //

Опыт сопоставительного анализа в лингвофольклористике. — Курск, 2002. — С. 12-54.

14. *Климак И.С.* Реализация концепта «сердце» в фольклорной и нефольклорной лирике / И.С. Климак, Р.И. Климак // Лингвофольклористика. — Вып. I. — Курск, 1999. — С. 21—27.

15. *Мазалова Н.Е.* Человек в традиционных соматических представлениях русских / Н.Е. Мазалова. — СПб. : КНОРУС, 2001. — 185 с.

16. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. — М. : ВЛАДОС, 1996. — 416 с.

17. *Петренко О.А.* Этнический портрет в русской и английской народной лирике / О.А. Петренко // Опыт сопоставительного анализа в лингвофольклористике. — Курск, 2002. — С. 103—118.

18. *Петрухина М.В.* Кластер «человек телесный» в лексиконе русской волшебной сказки : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.В. Петрухина ; Курск. гос. ун-т. — Курск, 2006. — 260 с.

19. *Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньев.* — М. : Рус. яз., 1981. — Т. 1. — 696 с.

20. *Тело в русской культуре. Сборник статей / Сост. Г. Кабакова и Ф. Конт.* — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — 400 с.

21. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е.В. Урысон. — М. : Языки славянской культуры, 2003. — 224 с.

22. *Хроленко А.Т.* Лингвокультуроведение : пособие к спецкурсу по проблеме «Язык и культура» / А.Т. Хроленко. — Курск : ГУИПП «Курск», 2000. — 168 с.

23. *Шерр И.* Германия. История цивилизации за 2000 лет : в 2 т. / И. Шерр. — Мн. : МФЦП, 2005. — Т. 1. — 544 с.

24. *Щирова В.С.* Соматические фразеологизмы немецкого языка в когнитивно-дискурсивном аспекте (на материале периодической печати) : дис. ... канд. филол. наук / В.С. Щирова ; Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. — Тамбов, 2005. — 212 с.

25. *Beyer H.* Sprichwörterlexikon : Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke aus deutschen Sammlungen vom 16. Jh. bis zur Gegenwart / H. und A. Beyer. — München: Beck, 1985. — 712 S.

26. *Grimm J.* Deutsches Wörterbuch. Siebenter Band / J. und W. Grimm. — Leipzig, 1889. — 2386 стб.

27. *Jordanskaja L.* A Russian-English Collocation Dictionary of the Human Body / L. Jordanskaja, S. Paperno. — Columbus, Ohio : Slavica Publishers, Inc., 1996. — 418 p.

28. *Röhrich L.* Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten: B. 1 — 3. B. 1 / L. Röhrich. — Freiburg, Basel, Wien.: Herder, 2004. — 638 S.

29. *Simrock K.* Die deutschen Sprichwörter/ K. Simrock. — Düsseldorf: Albatros, 2003. — 630 S.

30. *Ďileikaitė D.* Somatische Phraseologismen in den indoeuropäischen Sprachen am Beispiel des Deutschen, Englischen, Russischen, Polnischen und Litauischen / D. Ďileikaitė // Kalbotyra. — 1998. — № 47 (3). — S. 56—73.

*Курский государственный университет
В.А. Савченко, старший преподаватель кафедры
немецкой филологии
sawtschenkova@mail.ru*

*Kursk State university
V.A. Savchenko, senior teacher
of German philological department
sawtschenkova@mail.ru*